КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

В. А. Сулимов, И. Е. Фадеева

Личностный интеллект в системе деятельности: проблема становления концепции[1]

Личностный интеллект в условиях информационных процессов современности трансформируется в универсальный механизм познания мира через его производство или воспроизводство. Интеллект становится основой формирования системы деятельности человека, интегрируя его в суммарные кластеры интеллектуального и художественного творчества. Эти кластеры обладают тенденцией к сближению, которое реализует две тенденции: тенденцию к интеллектуализации художественных практик и тенденцию к эстетизации интеллектуальных практик. Мир человека становится таким, каким он был сначала выдуман.

Ключевые слова: *информационные процессы, интеллектуальные практики, художественные практики.*

V. A. Sulimov, I. E. Fadeeva. Personal Intellect in the system of activity: the problem of the formation of the concept

Personal intelligence in the conditions of modern information processes is transformed into a universal mechanism of cognition of the world through its production or reproduction. Intellect becomes the basis for the formation of the system of human activity, integrating it into the total clusters of intellectual and

[1] Статья выполнена в рамках проекта №17-13-1103 а/р РФФИ при поддержке РФФИ и Республики Коми.

© Сулимов В. А., Фадеева И. Е., 2017

artistic creativity. These clusters tend to converge, which realizes two tendencies: the tendency to intellectualize artistic practices and the tendency to aesthetize intellectual practices. The world of man becomes as it was previously invented.

Keywords: information processes, intellectual practices, artistic practices.

Личностный интеллект, существовавший как элемент в структуре «большого» социального (суммарного, группового, национального) интеллекта и создававший платформу для социальных процессов (позитивных либо негативных), в результате информационной «сетевой революции» все больше атомизируется, трансформируясь в автономные микросистемы порождения / восприятия мира как текста, модели, проекта, автопроекта. Когнитивная база такого личностного интеллекта не линеарная «система знаний» и не «система практик», а целостный текстово-моделирующий механизм познания мира через его личностно ориентированное производство либо воспроизводство. Действует глобальный когнитивно-коммуникативный социальный принцип «понимая, совершенствуй» (с его вариантами «изучив, используй» и «хочешь результата — проектируй»), являющийся ответом на глобальный вызов времени: интенсификацию социокультурных процессов и уплотнение информационных ресурсов, их стремление к бесконечному возрастанию. Возрастает и информационная емкость повседневного действия, требующая от индивидуума серьезного и продуманного выбора. Возникает проблема поведения как стратегии такого выбора, что существенно меняет пропорциональные отношения в дихотомии *деятельность — поведение*, традиционно описываемые как взаимосвязанные позиции: осознанную и целенаправленную деятельность и адаптивное приспособляющее поведение. Показывая динамику развития этой социокультурной дихотомии, В. С. Степин обращает внимание на усиление давления сознательной и стратегически ориентированной деятельности (т. е. области многоуровневой рефлексии) на повседневное поведение (т. е. область социальной реактивности), проявление признаков детерминации поведения характером, интенсивностью и типом этой деятельности: «В деятельности человек целенаправленно изменяет окружающий мир. Что же касается поведения, то оно характеризуется приспособлением к миру, адаптацией человека к уже

сложившейся природной и социальной среде. Поведение свойственно и человеку, и животным, деятельность же присуща только человеку. Вместе с тем ее возникновение в процессе становления человека и общества трансформировало поведение: человеческие поведенческие акты могут быть целесообразными и осознанными» [4, с. 38]. Динамика социокультурного развития общества такова, что сегодня последнюю фразу можно с большой долей уверенности переформулировать следующим образом: человеческие *поведенческие акты не могут не быть целесообразными и осознанными*.

Другими словами, сегодня креативность (а это всегда личностный символический выбор) почти во всех случаях (кроме тех, о которых будет сказано ниже) доминирует над стандартизацией поведенческих реакций и поэтому приводит к быстрым изменениям в социально-ролевой и коммуникативной сферах, создает новый образ социальности: когнитивно-синтетический (нестандартный и апперцептивный), возникающий в виде суммарного результата интеллектуального самообоснования личности и заменяющий собственно знаниевый когнитивно-аналитический (стандартный и рецептивный) образ. Соответственно, в наиболее важной для становления и перманентного развития личностного интеллекта сфере — сфере коммуникации любого типа (массовой, научной, межличностной, межгрупповой, внутриличностной, межнациональной, глобальной) — происходит перераспределение функциональных полей, определяющих ход и качество базовых социокультурных процессов. Методологически важным является понимание В. С. Степиным общения как сложного синтеза адаптации, социального контакта и совместного кодопостроения: «Взаимная адаптация человека к человеку в непосредственных социальных контактах осуществляется как общение — коммуникативная связь индивидов, в ходе которой устанавливается понимание, необходимое для совместного поведения и деятельности» [4, с. 38]. На основании выделенных Р. О. Якобсоном и В. С. Степиным базовых коммуникативных функций (6-звенная модель Р. О. Якобсона и 3-звенная модель В. С. Степина) [8; 4] с учетом серьезных изменений, произошедших в обществе под напором современных социокультурных процессов, можно выстроить следующую «таблицу соответствий». Эта таблица демонстрирует динамику социокультурных перемен в последние несколько десятилетий

(от середины XX века до первой четверти XXI века) при условии, что мы не сомневаемся в точности наблюдений авторов:

N	Модель Р. О. Якобсона	Модель В. С. Степина	Модель автора
1.	Коммуникативная (референтивная)	Адаптивная	Когнитивная
2.	Апеллятивная	Контатктоустанавливающая	Суггестивно-манипулятивная
3.	Поэтическая	Кодоформирующая	Информационно-интерпретационная
4.	Экспрессивная		Кодоустанавливающая
5.	Фатическая		
6.	Метаязыковая		

Рассмотрев три набора коммуникативных функций, описывающих процесс общения (коммуникации), отметим следующие важные обстоятельства: верхняя (наиболее значимая) в модели Р. О. Якобсона позиция в период конца XX — начала XXI веков серьезно трансформируется под воздействием адаптационных механизмов личностного интеллекта из коммуникативной в суперсоциальную — адаптивную, а затем — в собственно когнитивную функцию. Это говорит о колоссальном диктате системы знаний и когнитивных практик, которые с необходимостью втягивают в себя индивидуума, переводят его в состояние социокультурной дестабилизации, информационного взрыва и полной смены научных и социальных парадигм. Другие функции, отмеченные Р. О. Якобсоном как активно действующие, переформатировались под воздействием знаниевого пресса в кодоформирующую функцию, обеспечивающую глобальное понимание и взаимодействие индивидуумов, а также контактоустанавливающую, отчасти компенсирующую внутреннее одиночество интеллектуальной личности. На современном этапе в условиях формирования плотного интеллектуального пространства культуры происходит выдвижение на лидирующие позиции *суггестивно-манипулятивной функции* (воздействие системы электронных СМИ, блогосферы, рекламы), обеспечивающей особую результативность речевого действия, делающую вербальное общение средством быстрого достижения цели, активно противостоящей ей *информационно-интерпретационной*

функции, позволяющей при помощи операций со смыслом и других логико-герменевтических процедур добывать необходимую информацию из больших разнородных информационных потоков, а также *кодоустанавливающей функции*, обосновывающей формирование набора специализированных картин мира (от индивидуальной до групповой, профессиональной, национальной, глобальной, научной и художественной). Это хорошо соотносится с идеей нарастающей автономности человека, которую исследователи в контексте проблем образования довольно точно определили следующим образом: «Автономия содержит в себе имманентную устремленность предпочтения, направленность на некое воображаемое иное положение дел, а не просто на цель» [3, с. 462]. *Предпочтение иного* как общая цель деятельности, по сути дела, обеспечивает современному социуму инновационный характер развития, стремление к сохранению своего рода «интеллектуальной прибавочной стоимости», которая воспринимается интеллектуальной и социально активной частью общества как единственный залог устойчивого развития. Личностный интеллект (интеллект автономного человека) воспринимает успешность/неуспешность освоения динамично изменяющегося знаниевого пространства (обязательно — освоения вновь, впервые) внутренне эмоционально, переводя всегда объективированный и иногда — рутинный когнитивный процесс в личностно ориентированную мотивационную сферу. Для педагога это означает перевод стандартного дисциплинарного знания в нестандартную междисциплинарную сферу, демонстрирующую (а) научную, исследовательскую направленность школьных практик; (б) переформатирование дисциплин в междисциплинарные области; (в) смещение фокуса образовательной (и=воспитательной) деятельности на воспитание личностного интеллекта, способного преодолевать когнитивные и коммуникативные преграды, осваивать коды культуры и самостоятельно формировать картину мира. Академик РАО Г. Н. Филонов справедливо указывает: «Зона ближайшего развития личности в этих условиях обретает дополнительный межзнаниевый потенциал, эффективно воздействующий на мотивационную сферу» [6, с. 25].

Такая ситуация интериоризации интеллектуальной «инаковости» (перемещения освоенных когнитивных практик из области неоспоримых истин в область моделей, воззрений и убеждений), кото-

рая представляется в принципе достаточно традиционной в смысле интеллектуального развития человечества в Новое и Новейшее время (да и в более ранние эпохи), становится важнейшим элементом нового типа культуры современности — *массовой интеллектуальной культуры*. Происходит деформация устоявшихся типов Я-ценностей, Я-систем и Я-практик, в том числе базовых практик *ценностного самообоснования Я.* Типы таких Я представлены довольно разнообразно в социально-психологической литературе. В частности, предлагаемые Н. Е. Харламенковой три типа «ценности Я» предполагают различение этих ценностных групп по признаку направленности Я-практик (интроекции /направленности внутрь личностного пространства — проекции/направленности вне личностного пространства — в сферу социальности). При этом *целостный тип* «ценности Я» представляет собой набор практик простой социальной самоидентификации (половой, возрастной, социально-групповой, сенсорной) и принципов поведенческой саморегуляции при доминировании процессов интроекции, *дифференцированный тип* определяется выделением отдельных содержательных аспектов сознания индивидуума, проявление интеллектуально-художественных возможностей личности, отличается направленностью в социум или проективностью внутренних процессов. Что касается наиболее сложного типа ценности Я — *интегрированного*, он представляет собой сложную комбинацию процессов внутреннего совершенствования и качественного воздействия на социальную среду, что говорит о его социально-культурной эффективности и соединяет в себе процессы интроекции и проекции сознания [7, с. 156]. Другими словами, в условиях массовой интеллектуальной культуры происходит вертикальная стратификация общества (подобная известным моделям П. А. Сорокина и его сотрудника А. Маслоу), которая может иметь временную (возрастную) и / или социально-групповую основу, но в любом случае выстраивается в иерархию от наиболее простой — целостной (символической, повседневно понимаемой), через активную фазу когнитивных попыток (экспериментов), художественных и социальных практик (или = поиска их эффективности) к наиболее сложному — интегрированному типу, предполагающему и саморегуляцию личностного развития, и планирование самостоятельной деятельности. Такой уровень иерархии по определению будет авто-

номным и креативным, так как кроме накопления и постоянного обновления тезауруса означает реализацию индивидуального когнитивного или художественного проекта либо автопроекта (проекта собственной творческой личности).

В своих работах мы показали несколько иную систему ценностных типов личности (Я-типов):

1 тип — развивающийся, интроективный, репродуктивный или присваивающий (иногда ограниченный временными рамками детства, иногда длящийся долгие годы);

2 тип — преодолевающий, становящийся или (при неудаче решения задачи резкого саморазвития — *превосхождения*) опрокидывающийся;

3 тип — продуктивно-креативный, интегрированный, совмещающий интеллектуальные, социальные и художественные практики, формирующий кодовое пространство культуры[1].

Совершенно очевидно, что 2 и 3 типы обладают повышенной мотивационной сферой, направленной на инаковость, на попытку ухода от банального и стандартного, а субъекты этого типа при условии социально маркированного успеха становятся обладателями сложного и капризного инструмента — личностного интеллекта.

Массовая интеллектуальная личность в своем развитии ускоренно повторяет те механизмы автономизации, которые были достоинством немногих еще во второй половине XX века. П. Бурдье писал об этом, что «процесс автономизации интеллектуального и художественного производства соотносится с появлением социально различающейся категории художников и интеллектуалов, все более и более склонных не признавать иных правил, кроме правил той специфической традиции, которую они унаследовали от своих предшественников и которая дала им отправную точку или точку разрыва...» [1, с. 281]. Встраивая субъективно ощущаемую автономную личность в современный культурный контекст, индивидуум обязательно вступает в *точку разрыва, зону социокультурной бифурка-*

[1] См., например, Фадеева И. Е., Сулимов В. А. Человек в культуре Севера: от модерна к модернизации. СПб.: Астерион, 2016. С. 109—118, где мы обосновываем понятие *преодоления* как существенного приращения интеллектуального качества личности, своего рода механизм интеллектуального взросления.

ции, что может стать основным фактором развития «интеллектуальной депрессии», выражающей себя в боязни понимания и неприятии Иного, Чужого, что обязательно проявляется в ситуации «выхода на фронтир», на границу интеллектуального вызова и стандартной социальной повседневности [5].

При этом ранние стадии проявления и развития творческой личности сопровождаются не только акцентуированной мотивацией, но и постоянной сосредоточенностью всех элементов сознания, что может приводить к психологическим срывам, отказам от преодоления информационных трудностей, от самого *процесса превосхождения* по ступеням социально-культурой пирамиды. Боязнь фронтира, подобно страху перед открытым морским пространством, проецируется в социальную сферу, создавая «интеллектуальную» реакцию, способную при помощи навязывания единых стандартов (управления, коммуникации, обучения, понимания, исторической или философской интерпретации) реально затормозить и даже приостановить процесс формирования личностного интеллекта. Однако символические практики (в том числе — интеллектуальные) совершенно неостановимы, как очевидно и хорошо наблюдаемое постепенное распространение этих практик далеко за пределы интеллектуальной элиты — в пространство массовой культуры и культуры повседневности в той степени, в какой происходит интеллектуализация этих пространств.

Указанный сложный процессуальный механизм становления личностного интеллекта требует переосмысления теории деятельности как одного из основных компонентов теоретической культурологии. Идея пяти основных видов деятельности, предложенная М. С. Каганом, оказывается хорошей отправной точкой такого переосмысления.

М. С. Каган в ряде своих работ обосновал систему деятельности (в контексте теории культуры), которая в достаточно свободном пересказе выглядит следующим образом:

- познавательная, значимая цель которой — получение субъектом информации об объекте, прежде всего исследовательская, научная деятельность;
- ценностно-ориентационная, означающая стремление субъекта осознать значение некоторых важных объектов, в том числе выстроить иерархию культурно-символических ценностей, т. е. созда-

ние социально-культурного мифа или идеологии;

• преобразовательная, имеющая своим содержанием изменение субъектом объекта (материально-практического или духовно-идеального) ради создания нового культурного объекта (текста, модели, проекта, мечты), исполненного в знаковых системах, языках и кодах культуры);

• деятельность общения как межсубъектное взаимодействие (в том числе общение межличностное, межгрупповое, межпоколенческое, внутриличностное — «внутренний диалог»);

• деятельность по художественному освоению мира, при которой все четыре вышеперечисленные вида деятельности «оказываются синкретически слитыми в мифологическом сознании в восприятии мира ребенком, а затем — синкретически взаимно отождествленными в искусстве» [2, с. 12].

Эта система деятельности предполагает, во-первых, некоторую дифференциацию способов информационно-коммуникативного взаимодействия в пространстве «ЧЕЛОВЕК» — «ИНОЙ СУБЕКТ» — «КОЛЛЕКТИВНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ» (в том числе — система образования) — «ТЕКСТЫ КУЛЬТУРЫ» — «ИНСТИТУТЫ КУЛЬТУРЫ» — «СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ». В условиях современного интегрированного информационно-коммуникативного и — одновременно — интеллектуального пространства происходит интертекстуализация личности и перемещение ее внутрь интеллектуального пространства, где индивидуум пытается сначала сформировать, а затем — эффективно реализовать свою интегрированную и динамичную картину мира, направленную на (а) компенсацию разрывных тенденций, проявляющихся в процессе становления автономной личности; (б) создание информационно-коммуникативных оснований для поддержания и развития интеллектуальной личности, которой обязательно свойственны соответствующие целевые схемы, самоощущения и автопроекции; (в) эффективное социальное взаимодействие, обеспечивающее, в частности, общественное признание и успех, социально-экономическую отдачу. *Человек-интертекст* ищет возможности самореализации себя в проекте/автопроекте с учетом всех возможных информационно-коммуникативных, институциональных и текстовых ресурсов (в том числе собственно символических: художе-

ственных, образных, ассоциативных и эмоциональных). Такое смещение цели с кросс-социального на кросс-интеллектуальное понимание (и=восприятие) мира, включающее образно-символическое (нон-логическое) начало обязательно приводит к трансформации общей системы деятельности.

Пятизвенная система деятельности, абсолютно точно выстроенная М. С. Каганом для последней четверти XX века, трансформировалась в первой четверти XXI века, как нам кажется, в двухзвенную сложную и комбинированную.

Все виды деятельности от первой до четвертой, испытывающие обязательную привязку к современному интегрированному интеллектуальному пространству культуры (познавательная, ценностно-ориентационная, преобразовательная или проектная, коммуникативная или деятельность общения), оказываются заключены в пределы когнитивно-коммуникативной деятельности, применяющей различные интеллектуальные практики для решения задач освоения потока информации. Пятый вид деятельности — «деятельность по художественному освоению мира» — под воздействием глубинной интеллектуализации этого мира превращается в когнитивно-художественную деятельность, требующую «встраивания» себя в систему интеллектуальных образов и сложных мифологий, которые свойственны современному индивидуальному и социальному сознанию. Это очень хорошо видно на примере отечественной интеллектуальной литературной прозы, формирующего читателя как креативного и интеллектуального соавтора, реализующего свою главную задачу — понимания/самопонимания при помощи интегрированных интеллектуальных (в частности, интерпретационных) и художественных (в частности, чувственно-ассоциативных) практик. Очень показательна в этом смысле динамика романов Дмитрия Глуховского от «Метро» (креативно-сетевые практики вторичной мифологизации, имеющие явные жанровые и социально-институциональные признаки) через «Сумерки» (когнитивные практики самопроекций сознания) к только что вышедшему роману «Текст» (презентующему новые социально ориентированные когнитивные практики построения себя-в-тексте, внутри текста, трансформации физического (и+социального) бытия в бытие мифологическое, *в бытие несуществования*). Реальность и ирреальность здесь преодолеваются

не при помощи интерпретации реальности, а при помощи интерпретации реальности как возможной ирреальности с дальнейшей попыткой восстановления себя в ней как некоторого принципиально не-осмысляемого текста. Возникает ситуация (или, точнее, эффект) *двойного зеркала*: взаимоотражение мира и человека в неразрывных формах мира-в-человеке и человека-в-мире[1]. Образным представлением этого феномена вполне может быть одна из наиболее узнаваемых инсталляций художника Дугласа Гордона «24 Hours Psycho», являющая собой проекцию фильма Альфреда Хичкока «Психо», замедленного в несколько раз и лишенного звука. Работа получила свое название постольку, поскольку длилась ровно 24 часа. Лента демонстрировалась на прозрачном экране и проецировалась с обеих сторон: приблизившись к экрану, зритель мог видеть сквозь него людей, стоящих по ту сторону. Этот эффект, по сути дела, сходен с компьютерным эффектом «5D», возникшим, по всей видимости, в качестве ответа на задачу поиска адекватных современному интеллектуальному сознанию компьютерных технологий.

Синтезирующее воздействие нашей культурной эпохи продолжается. Одной из граней этой синтезирующей доминанты является объединение и наложение видов деятельности и практик, нередко противопоставленных в недалеком прошлом. Другой гранью является дрейф интеллектуальных практик через возрастание их ассоциативности, алогичности и инсайтности в сторону практик художественных и наоборот — интеллектуализация эстезиса, возникновение контаминированного чувственно-интеллектуального ракурса восприятия искусства. При этом понятие «личностный интеллект» наполняется новым философско-культурологическим смыслом.

* * *

1. Бурдье П. Рынок символической продукции// Социология искусства. Хрестоматия / отв. ред. В. С. Жидков, Т. А. Клявина. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 280—298.

2. Каган М. С. Системно-синергетический подход к построению совре-

[1] Здесь очевидна перекличка с тем патопсихологическим состоянием человека, которое Ж. Лакан в середине прошлого века назвал «стадия зеркала», объединяющая (и не только и даже *не столько* в раннем детстве) *реальное, воображаемое и присвоенное*.

менной образовательной теории // Культурологическое просветительство в современной России: сборник научных статей участников круглого стола X Кагановских чтений. СПб.: Астерион, 2017. С. 10—29.

3. Огурцов А. П., Платонов В. В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб.: РХГИ, 2004. 520 с.

4. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2011. 408 с.

5. Тульчинский Г. Л. Факторы социогенеза: человеческое, слишком человеческое в политической культуре / Человек. Культура. Образование. 2011. № 2. С. 5—14.

6. Филонов Г. Н. Междисциплинарные основы интегрированных исследований процессов воспитания и социализации личности // Педагогика. 2016. № 6. С. 24—29.

7. Харламенкова Н. Е. Сущность и механизмы ценности Я // Ценностные основания психологической науки и психологии ценностей / отв. ред. В. В. Знаков, Г. В. Залевский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 148—165.

8. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сборник статей / пер. с англ., франц. нем., чешского, польского и болгарского языков; под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193—230.